

Бай Юаньсю сидел на выступе скалы, неподвижный, как изваяние, устремив пустой взгляд в бескрайнее небо, где медленно плыли облака. Солнце уже успело пройти добрую половину своего пути, а он всё ещё не сдвинулся с места, словно надеясь, что время повернёт вспять и сотрёт тот унижительный момент из памяти всех свидетелей.

За его спиной раздались нарочито громкие, преувеличенные шаги, затем последовал театральный вздох:

— Ну сколько можно дуться? Прошло уже три дня. Неужели ты собираешься просидеть здесь до следующего полнолуния?

Бай Юаньсю демонстративно отвернулся, делая вид, что полностью поглощён наблюдением за белкой, которая деловито катила сосновую шишку по замёрзшей земле. Каждое движение зверька он изучал с преувеличенной внимательностью, будто в этом заключался величайший смысл мироздания.

Лоб Е Наньсюня дёрнулся - знакомая всем в Секте реакция, предвещающая скорый взрыв терпения. Он решительно шагнул вперёд и с размаху шлёпнул Бай Юаньсю по спине с такой силой, что эхо разнеслось по окрестным скалам:

— Да перестань уже! Ну ревел ты как мальчишка, ну и что? Весь мир что ли рухнул? Глаза у всех уже закатились от твоих страданий!

В тот роковой день Бай Юаньсю был убеждён, что Сяо Цин умирает. Всё его существо охватила такая всепоглощающая ярость и отчаяние, что он, не обращая внимания на ничего вокруг, прижимал безжизненное тело к груди и рыдал так, будто его душу вырывали с корнем. Слезы текли ручьями по исцарапанному в кровь лицу, смешиваясь с грязью и потом, но он даже не пытался их смахнуть. В тот момент он чувствовал, как что-то внутри него разрывается на части, и остановить этот поток эмоций было выше его сил.

Когда он уже собрался в слепой ярости выжечь всю свою внутреннюю энергию в отчаянной попытке пробить запечатанный вход, его взгляд случайно упал на высокую фигуру, появившуюся словно из ниоткуда. Ледяные, без единой искорки эмоций глаза Гунсунь Чоу смотрели на него с тем же выражением, с каким обычно рассматривают особенно надоедливого комара.

Как Мастер Чёрной Черепахи, Гунсунь Чоу был легендой даже среди легенд. Он практически никогда не покидал пределов Демонической Секты, и лишь горстка людей во всём мире боевых искусств могла похвастаться, что видела его в действии. Те же, кому "посчастливилось" столкнуться с ним, в один голос утверждали, что перед ними, без сомнения, величайший мастер лёгких шагов своего поколения.

Но его истинная сила заключалась не только в скорости. Само его существование бросало вызов законам физики - как иначе объяснить, что он мог с лёгкостью управлять тем чудовищным оружием, что всегда носил с собой?

Его булавы не были обычным оружием. Выкованные из таинственного чёрного металла, подаренного самим Господином Секты, каждая весила больше, чем взрослый мужчина в полном боевом облачении. Говорили, что одна такая булава, упав с высоты, могла оставить после себя кратер глубиной в человеческий рост.

В тот день Гунсунь Чоу не утруждал себя лишними словами. Он лишь бросил короткое:

— Отойди.

Затем размахнулся и мир взорвался.

БУМ! БУМ! БУМ!

Каждый удар звучал как удар грома среди ясного неба. Казалось, сама земля содрогается под этой нечеловеческой силой. Бай Юаньсю, всё ещё не веря в успех этого предприятия, уже открыл рот, чтобы возразить, как вдруг раздался оглушительный треск, и "несокрушимая" каменная стена раскололась пополам, словно сухое полено под топором дровосека.

Лицо Гунсунь Чоу не выражало ни удовлетворения, ни усталости. С тем же каменным выражением он продолжил методично разрушать тюрьму, его булавы превратились в размытое пятно, мелькающее с непостижимой скоростью. Примерно через полчаса от некогда грозного сооружения осталась лишь груда щебня.

К счастью, Су Уси содержали в достаточно отдалённой камере, иначе спасателям пришлось бы буквально откапывать её из-под завалов.

Их противники не поскупились на снотворное. Дозы, которой скормили Су Уси, хватило бы, чтобы усыпить боевого быка на трое суток. Она пришла в себя лишь глубокой ночью следующего дня, уже в безопасности стен Демонической Секты. Без специального травяного отвара, который Е Наньсюнь приготовил лично, её сон мог продлиться втрое дольше.

Этот наркотик был поистине удивительным творением алхимии. Попадая в кровь, он вводил тело в состояние, напоминающее зимнюю спячку медведя - все процессы замедлялись до предела. По словам Е Наньсюня, даже десять дней без пищи и воды не смогли бы убить опытного бойца под его воздействием.

Но Сяо Цин, как всегда, оказался исключением.

Ему тоже влили в глотку изрядную дозу снотворного, но его тело, закалённое годами противостояния ядам Демонического Пути, выработало поистине феноменальную сопротивляемость. Препарат попросту не подействовал.

Однако без последствий не обошлось. Не сумев выполнить свою основную функцию, яд обрушил на организм всю мощь побочных эффектов. Именно это стало причиной тех страшных внутренних повреждений, которые едва не унесли жизнь Сяо Цина.

Все в Секте прекрасно понимали реакцию Бай Юаньсю. В тот момент Сяо Цин действительно балансировал на грани между жизнью и смертью. Ещё несколько часов и даже искусство Е Наньсюня могло оказаться бессильным. Было совершенно естественно, что Бай Юаньсю, обычно такой сдержанный, потерял контроль над эмоциями.

Но вот публичность этого события... Это было уже слишком.

Как он сам позже объяснял, плакать перед Сяо Цином - это одно. Сяо Цин особенный. Между ними особые отношения. Он и раньше позволял себе слабость в его присутствии.

Но перед всей Демонической Сектой?!

Годы тщательно выстраиваемого образа непоколебимого, невозмутимого воина, полетели к чёрту! В одно мгновение!

Последние три дня, за исключением коротких визитов к выздоравливающему Сяо Цину в Лазурный Зал, Бай Юаньсю вёл себя как затравленный зверь. Он буквально исчез с радаров, мастерски избегая всех и вся. Его логово не смогли обнаружить даже лучшие следопыты Секты.

Е Наньсюню пришлось потратить целую ночь, выслеживая его по всему горному массиву, чтобы наконец загнать в угол на рассвете. И теперь, глядя на упрямо отворачивающегося друга, он сдался и просто бросил:

— Левый Защитник выздоровел. Совсем. Можешь перестать изображать из себя затравленного медведя.

Бай Юаньсю, до этого момента застывший словно каменный идол, вдруг подскочил, будто его ударило током, и помчался к Лазурному Залу с такой скоростью, что за его спиной взметнулся шлейф из опавших лепестков цветущих слив.

Е Наньсюнь только беспомощно развёл руками. Повернувшись с театральной медлительностью, он зашагал обратно обычным шагом, на ходу срывая веточку с куста и задумчиво крутя её в пальцах.

Когда он наконец добрался до покоев, Бай Юаньсю уже был внутри и смотрел на него взглядом, от которого кровь стыла в жилах - будто готов был тут же, на месте, совершить кровавое убийство.

Е Наньсюнь только бровью повёл:

— Серьёзно? Так быстро переобулся? Теперь что, собираешься меня прибить?

Но в следующее мгновение выражение лица Бай Юаньсю совершило головокружительный кульбит, словно подсолнух, внезапно оказавшийся на солнце, он расцвёл ослепительной улыбкой:

— Да что ты, какой там! Просто занервничал немного, понимаешь? Моя вина, моя вина!

Е Наньсюнь, прекрасно зная степень привязанности друга, не стал заострять внимание. Вместо этого перешёл сразу к делу:

— Внутренние повреждения полностью зажили. Но остатки снотворного начали давать обратный эффект. Его организм больше не выдержит стресса. Позволю всему выйти естественным путём.

Согласно показаниям Су Уси, тот юнец, опасаясь, что на мужчину препарат не подействует, постоянно увеличивал дозу во время пути, вероятно, введя Сяо Цину больше, чем получила она сама.

Все эти дни Бай Юаньсю не отходил от постели Сяо Цина. Теперь же, когда он наконец убедился, что опасность миновала, в его сердце поднялась мысль, которую он больше не мог сдерживать.

Покинув Лазурный Зал, он направился напрямиком в горы.

Среди Десяти Великих Пейзажей Дацзина "Танец белых журавлей в снегах горы Юньхуа"

занимал первое место. Но сейчас, с приходом весны, зимний снег уже растаял. Чтобы вновь увидеть это зрелище, придётся ждать целый год.

Однако флора Юньхуа всегда отличалась пышностью. Едва началась весна, как растения уже буйствовали жизнью, превращая бывшую снежную сцену для журавлей в настоящий райский уголок.

Когда Бай Юаньсю вышел на поляну, его взору предстала впечатляющая картина: огромный тигр, ростом с взрослого мужчину, лениво потягивался посреди этого волшебного леса.

Зверь широко зевнул, затем наклонил голову и ткнулся носом в свернувшуюся калачиком фигуру, спящую на траве.

Бай Юаньсю подошёл и присел рядом, наблюдая, как его грозный и могущественный Глава Секты с трудом продирает глаза.

Привалившись к гигантскому тигру, Глава Секты потер глаза:

— Что случилось?

— Я ухожу с горы, — заявил Бай Юаньсю.

Глава Секты нашёл это немного странным:

— Если хочешь уйти - уходи. Не впервой тебе шататься где попало.

Когда Демоническая Секта ещё располагалась в западных окраинах Дацзина, местность была настолько глухой и окружённой горами, что большинство учеников, единожды выбравшись и вернувшись, больше не желали покидать обитель. Но Бай Юаньсю всегда был исключением, он карабкался по горам, переходил реки, колесил повсюду. Всего за несколько лет он взлетел на вершину рейтинга вклада в Секту.

В последние годы Глава Секты практически дал Бай Юаньсю полную свободу действий. Пока тот не устраивал чего-то совсем уж грандиозного, не было нужды докладывать о каждом выходе за пределы обители. Для него такие вылазки не представляли ничего особенного.

Но следующая фраза Бай Юаньсю заставила руку Главы Секты застыть на полпути к тигриной шкуре.

— Я направляюсь в Наньян, — сказал Бай Юаньсю.

Глава Секты медленно отвёл руку, долго смотрел на него, затем наконец кивнул:— Понял. Уходишь сегодня?

— Сегодня, — улыбнулся Бай Юаньсю. — Не знаю, когда вернусь, так что придётся Главе солгать за меня.

Глава Секты махнул рукой:

— Ладно. Ступай.

Бай Юаньсю действительно спешил. Получив согласие, он не стал медлить, один раз потрепал тигра по голове, затем развернулся и выбрался с горы кратчайшим путём.

Глава Секты наблюдал, как его фигура растворяется вдаль, затем плюхнулся на спину, раскинувшись на брюхе гигантского зверя.

Был полдень, солнце светило как раз достаточно. Человек и тигр, лежащие вместе на лугу, усыпанном мелкими полевыми цветами - зрелище, достойное кисти лучшего художника.

***

При мудром императоре Дацзина страна процветала и набирала силу. Купцы со всех концов света свободно путешествовали, создавая оживлённую экономику южных регионов.

Один из таких южных городов назывался Наньян. С его развитыми дорогами и бойкими рынками несколько лет назад он даже удостоился особых привилегий. В нем не было никаких ночных комендантских часов и никаких приказов о закрытии.

Когда Бай Юаньсю прибыл на место, была уже глубокая ночь, но город всё ещё сверкал огнями. Даже за воротами было слышно, как торговцы с Рынка Четырёх Сторон Света зазывают покупателей.

Это был его второй визит в Наньян. В первый раз он был совсем ребёнком и почти ничего не помнил.

Следуя за потоком людей, он пробрался к оживлённому Восточному Рынку, затем, петляя по задворкам, избежал толпы и оказался в северо-восточном жилом квартале ещё до рассвета.

Руководствуясь собранной заранее информацией, он направился напрямик в самый глухой угол района и нашёл тот самый дом.

Ворота были недавно покрашены, стены и черепица крыши выглядели новыми и нетронутыми. Ни малейшего намёка на слухи о "доме с привидениями".

Шестнадцать лет назад вся семья купца по фамилии Чжай трагически погибла в этих стенах. С тех пор усадьба пустовала. После поимки и казни убийцы дом снова выставили на продажу. Но за всё это время так и не нашлось желающих.

Дело было не в отсутствии покупателей - цена была более чем привлекательной. Но каждый, кто осмеливался поселиться здесь, сталкивался с одной и той же судьбой: уже в первую ночь их посещали кошмары, после чего они тяжело заболели. В конце концов, жить здесь больше никто не решался.

Бай Юаньсю простоял у ворот долгое время.

Подошедший мужчина средних лет в ярко-оранжевой шёлковой куртке сначала заколебался, но затем все же решился спросить:

— Молодой господин, вы интересуетесь покупкой этого дома?

Бай Юаньсю повернул голову, одарив собеседника своей привычной тёплой, располагающей

улыбкой:

— Просто слышал, что этот дом... беспокойный. Решил взглянуть.

На лице мужчины сначала промелькнуло раздражение, но затем его взгляд упал на меч у пояса Бай Юаньсю. Выражение мгновенно прояснилось.

— Вы... Вы же Герой Бай, не так ли?

— Что вы, — скромно ответил Бай Юаньсю.

После нескольких минут церемонных обменов любезностями Бай Юаньсю ловко подвёл разговор к главному:

— Не могли бы вы рассказать мне об этом доме поподробнее?

Мужчина оказался более чем словоохотлив. Едва начав рассказ, он уже хмурился от неприятных воспоминаний.

Трагедия случилась шестнадцать лет назад, но странные происшествия не прекращались с тех пор.

Нынешний хозяин приобрёл усадьбу два года назад, но, как и гласили слухи, все, кто оставался здесь ночевать, страдали от кошмаров и в ужасе бежали.

Некоторые даже утверждали, что слышали по ночам тихий плач - настолько жуткий, что кровь стыла в жилах.

Сначала мужчина считал это пустыми рассказами. Но не так давно, когда он нанял рабочих для покраски и ремонта, он сам увидел белую фигуру в кладовке в дальнем углу двора.

Когда он с жаром принялся описывать эту встречу в мельчайших подробностях, то вдруг обернулся к Бай Юаньсю и застыл.

На его лице отразилось полное недоумение.

— Герой Бай... что с вами?

<http://bllate.org/book/14147/1245586>